

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Символическая функция слова и контекст: от системных к синергетическим критериям интерпретации

В. Ю. Барбазюк*

Аннотация. Слово как значащий элемент языка, наделенный определенным значением, не изолировано от всех других слов. Оно входит в структуру языка, является одним из ее элементов и связано поэтому многообразными зависимостями и отношениями с другими словами. В данной статье рассматривается проблема зависимости значений данного слова от его отношений с контекстом.

Ключевые слова: слово; контекст; самоопределение; метафора; контекстная мотивированность; самоорганизация; бифуркация.

Symbolic Function of a Word and its Context Criteria of Interpretation: from Systematic to Synergistic Criteria of Interpretation

V. U. Barbazuk

Abstracts. A word as a meaningful element of the language, carrying a certain meaning is not isolated from all other words. It is part of the structure of the language and becomes one of its elements connected by various relations with other words. The article reviews the problem of dependence of meanings of the word on its relations with the context.

Key words: word; context; self-determination; metaphor; context motivation; self-organization; bifurcation.

«Обогащение слова смыслом, который оно вбирает в себя из всего контекста, и составляет основной закон динамики значений».

Л. С. Выготский

Специфика слова, как справедливо отмечают многие исследователи, не может быть полностью раскрыта без осмысления его внешних

связей. При этом нужно учитывать, что живое слово языка имеет символический статус, поскольку в отличие от знака символ обладает

* Барбазюк Вера Юрьевна – преподаватель кафедры «Английский язык» Финансового университета при Правительстве РФ.
E-mail: vera087@mail.ru

высокой степенью выразительности. У знака же как такового нет никаких предпосылок к тому, чтобы быть выразительным. У него иная системная и контекстная направленность. Представленное в знаке отрицание формально и служит позиционному различению слова в контексте предложения.

Под внешними связями обычно понимают отношения слова с контекстом.

В имеющихся определениях этого понятия чаще всего подчеркиваются следующие моменты:

- контекст – «это отрезок текста, вычленимый и объединенный языковой единицей или речевой единицей, могущей перейти в языковую, которые детерминированы актуализатором при узуальном илиokkaзиональном использовании» [8, с. 103];
- контекст – «структурное дополнение единицы до целой структуры высказывания или дискурса; «внешняя форма» единицы, определяющая ее смысловую ориентацию относительно других единиц» [3, с. 279];
- контекст – «языковое окружение, в котором употребляется та или иная лингвистическая единица» [1, с. 169];
- контекстом слова является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых встречается данное слово.

За последние годы понятие контекста трансформировалось в связи с установлением новой коммуникативно-прагматической исследовательской парадигмы. Проведенный нами анализ показал, что существуют следующие универсальные черты контекста:

- 1) знание ролей и статусов коммуникантов;
- 2) знание пространственной и временной локации;
- 3) знание стиля передаваемой информации (устная или письменная речь);
- 4) знание области использования языка;
- 5) знание предмета разговора.

По утверждению В. Г. Борботько, «контекст воздействует на семантику той или иной формы. В результате происходит семантическое самоопределение формы относительно других единиц данного контекста» [2, с. 229–230].

О «зависимости значения слова от контекста» говорит и Э. В. Кузнецова. «Убедительным

свидетельством этой зависимости, – пишет она, – служит возможность осмысления значения незнакомого или пропущенного слова по контексту» [9, с. 29].

Важно отметить, что на сегодняшний день это явление не до конца изучено, и тем не менее оно широко используется в практике чтения и осмысления слов в контексте.

Можно предположить, что роль контекста по уточнению содержания слова «не в том, что контекст видоизменяет исходное, общее значение, превращая его в «позиционные варианты», а в том, что контекст реализует заключенные в слове заранее (т.е. в слове как элементе языковой системы) различные значения. Цель контекста – отбор нужного виртуального значения и его актуализация. Значение – не следствие актуализации, а ее предпосылка. Актуализация возможна лишь тогда, если акт отбора уже выделил определенное значение» [6, с. 54].

Существует мнение, что конкретизация слова происходит в речи за счет сочетаний значений слов. При сочетании уже двух слов происходит взаимное ограничение их значений. Из множества значений выбирается одно.

Каждое слово содержит в себе целый ряд семантически сочетаемостных потенций, которые реализуются при включении этого слова в предложение, в текст, и под влиянием контекста и ситуации слово может приобретать какие-то иные значения, скрытые ранее и проявившиеся благодаря его сочетанию с новыми словами.

Ф. де Соссюр, говоря о зависимости значения конкретного слова от его отношений со значением других слов, пишет: «Значимость, взятая в своем концептуальном аспекте, есть, конечно, элемент значения, и весьма трудно выяснить, чем это последнее от нее отличается, находясь вместе с тем в зависимости от нее...Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще – главным образом – значимостью, а это уже совсем другое...Говоря, что они (значимости) соответствуют понятиям, следует подразумевать, что эти последние чисто дифференциальны, т.е. определены не положительно своим содержанием, но отрицательно своими отношениями с прочими элементами системы. Характеризуются они в основном именно тем, что они – не то, что другие...но само собой разумеется, что в этом понятии нет ничего первоначального, что оно является лишь значимостью,

определяемой своими взаимоотношениями с другими значимостями того же порядка, и что без них значение не существовало бы» [12, с. 116].

В. Г. Колшанский, говоря о роли контекста, замечает, что «роль контекста настолько всемогуща, что он может творить значение слова, неизвестного, скажем, читателю, но создаваемого (и зачастую ложно) контекстными условиями... Контекст способен не только помогать выбирать действительные значения из множества словарных значений языковой единицы, но и воздействовать на образование нового значения слова только по словесному окружению, без обращения к действительному значению – к номинации, денотату слова» [8, с. 102].

Из этого следует, что отношение понятия и контекста – это всегда взаимное отношение. С одной стороны, контекст раскрывает смысловые возможности понятия, но, с другой стороны, и понятие есть некоторый подход к контексту.

По мнению некоторых лингвистов, новое, неожиданное значение слова всегда воспринимается как нечто внерациональное, как метафора, которая вклинивается куда-то между близкими смыкающимися значениями двух обыденных, привычных нам смыслов слов. Новая метафора начинает терять свой метафорический статус по мере того, как она входит в русло привычного языкового поведения. Так происходит обогащение языка – он обогащается, когда открывается то, что в нем уже было потенциально заложено. Через открытые слова, мы открываем новый смысл в привычных нам словах.

Эти потенциальные значения заложены в слове и до его употребления в тексте.

Говоря об отношении метафоры к контексту, стоит отметить, что оно также строится на взаимной основе. Но в метафоре мы видим более ограниченное по смыслу, направленное отношение к контексту.

Контекстное поведение метафоры отличается достаточной гибкостью. Метафора подменяет собой прямое именование объекта. Метафора первенствует по смыслу: она лучше, ярче, характернее прямого имени объекта. При этом в метафоре внешнее дискурсивное отношение не является прямым продолжением внутреннего дискурсивного отношения. Конкурируя с прямым наименованием объекта, метафора вместе с тем всецело подчинена смысловой логике

объекта, которая проявляется в динамике текстового дискурса, т.е. подчинена окружающему контексту по смыслу. Рассмотрим английские примеры.

1. «France has been gripped over the past few weeks by an extraordinary tale that has all the ingredients of a Hollywood soap opera» (The Economist, July 2010).

Этот пример примечателен тем, что в нем уже известный комичный образ (soap opera) реанимируется путем его применения к новому объекту, к новой реальности: «некоторой истории» (tale), которая чем-то взбудоражила (gripped over) французскую общественность. Здесь мы видим, что новый объект оживляет заметно стершийся, ставший уже привычным образ (soap opera), который в своем первичном применении (к театральным постановкам) воспринимается уже почти как термин. Новый объект (новое пространство обозначения) реанимирует образ [5, с. 80–90]. В ситуации с метафорой, как и в случаях с пословицами, объект пробуждает ассоциацию своего подобия метафорическому образу. А в плане внутреннего дискурсивного отношения, не объект приспособливается к образу, но образ всецело приспособливается к свойствам объекта. Таким образом, в плане внешнего дискурсивного соответствия, мы видим в этом приспособление метафорического образа к контексту, т.е. контекстную адаптацию метафорического образа.

2. «After more than 200 million years, sturgeon are losing a battle for survival... » (The Moscow Times, 15.03.10).

В данном английском примере метафора «are losing a battle» – достаточно емкий образ: очевидно, что буквально осетр никаких «битв за выживание» не ведет. Сложная в плане способа прямого языкового обозначения ситуация, в которой человек необдуманно уничтожает ценные породы рыб, получает простое и емкое обозначение через метафору.

Метафора, органично вплетенная в контекст, понимается как оптимальный способ именования объекта в конкретных контекстных условиях. Очевидно, что в случае с метафоричной образностью мы видим по большей части не соперничество, а сотрудничество образа с контекстом. Важно подчеркнуть, что в целом мета-

фора стоит ближе к контексту, чем пословица. В последней в значительной мере сохраняется элемент смысловой чуждости контексту, «отстраненности». Метафорический же образ подчиняет себя прагматике контекста.

Контекст, как пишет Колшанский, «выступает и в качестве необходимого условия для семантизации метафоры, а также для индивидуального словоупотребления и индивидуального словотворчества» [8, с. 102–104].

В метафоре представлено осознанное и целенаправленное движение мысли в символической форме. Субъект уже планирует контекстную функцию значения, видит контекст. Но смысловое выделение в метафоре не выражает сущностного движения мысли, оно не учитывает необходимости бытия объекта.

Согласно выводам Л. С. Выготского (который назвал данное явление «влияния смысла»), смыслы слов «как бы вливаются друг в друга и как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют... Аналогичные явления мы наблюдаем особенно часто в художественной речи. Слово, проходя сквозь какое-либо художественное произведение, вбирает в себя все многообразие заключенных в нем смысловых единиц и становится как бы эквивалентом произведения в целом» [4, с. 306].

Важно отметить, что если представлять содержание слова с учетом свертывания всех тех контекстов, в которых оно регулярно употребляется, «то в конечном счете и системная значимость слова, в силу динамического характера его семантики, выглядит как «непрерывный процесс смыслового самоопределения слова в языке» [5, с. 55].

Из этого следует, что вопрос о контекстной мотивированности – один из сложнейших и наиболее запутанных в стилистике, семиотике, т.к. слово вплетается в сложную систему отношений со всеми другими словами. Как пишет К. И. Белоусов: «Вся эта система как целое, с одной стороны, сужает область конвенциональной семантики слова, но, с другой стороны, заметно расширяет область семантики контекстуальной. Вступая в разные связи с другими словами в рамках целого, каждое слово тем самым становится компонентом разнообразных семантических подсистем...» [2, с. 67].

Интересен подход предложенный Н. Е. Сулименко. Он попытался приложить теоретический аппарат синергетики к лексикологическим проблемам, а точнее к тому, что традиционно именовалось как функционирование слова в тексте. Автор широко использует понятийный аппарат теории самоорганизации. Так, например, при описании взаимодействия в одном контексте двух слов ученый прибегает к следующей характеристике: «Наличие лексической единицы в зоне бифуркации дает себя почувствовать в разнонаправленных речевых оценках, металингвистической деятельности, языковой игре...» [13, с. 14].

Таким образом, Н. Е. Сулименко делает вывод, что «зоны неустойчивости, бифуркаций, создающих единство тенденций к самоорганизации и хаосу, катастрофам, охватывают самые разнообразные области русской лексики и часто проявляются в причудливом смешении в текстах своего и чужого, старого и нового, высокого и низкого, в построении неожиданных текстовых парадигм» [13, с. 15].

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что на сегодняшний день проблема контекстного определения до конца не решена. С одной стороны, мы видим, что контекст играет важную роль при идентификации значения, но и слово тоже может обладать той же могучей силой, что и контекст, при определении значения (т.е. слово или словосочетания могут создавать контекст).

Библиографический список:

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., «Международ. отношения», 1975. – 240 с.
2. Белоусов К. И. Синергетика текста: От структуры к форме. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. – 248 с.
3. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. Изд. 3-е, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 – 288 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. – Л.: Соцэкгиз, 1934. – 324 с.
5. Иванов Н. В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса. – Дисс. на ... доктора филол. наук. – М., 2002. – 377 с.

6. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.–Л.: Наука, 1965 – 194 с.
7. Кашкин В. Б. Введение в теорию дискурса / В.Б. Кашкин. – М.: Восточная книга, 2010. – 152 с.
8. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
9. Кузнецова Э. В. Методические указания и материалы к спецсеминару «Системные отношения в лексике». – Донецк, 1968
10. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996 - 381 с.
11. Пономаренко Е. В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе : Дис. ... д-ра филол. наук: М., 2004 – 447 с.
12. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики – М.: УРСС Эдиториал, 2007. – 257 с.
13. Сулименко Н. Е. Мир хаоса в его преломлении лексической структурой текста / Н. Е. Сулименко // Текст. Узоры ковра: сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS»/ под ред. К. Э. Штайн. – СПб.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999